

венчивающая лжелегенды книга о жизни и творчестве И.Э. Бабеля, об его отношениях с родным городом.

Справедливость без скобок. Как долог, как труден и кропотлив к ней путь — и насколько необходима справедливость без скобок всем нам. Спасибо, что кавычки или скобки сняты, и подлинный Бабель — во всей мудрости и печали, во всей ироничности и трезвости, возвращается к нам книгами — его и о нем.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Сфинкс в пальто

Феликс КОХРИХТ
Ойкумена одессита
Одесса, "Автограф", 2004
Дизайн — А. ГОЛУБОВСКАЯ

Не ведаю, как вам, а мне сподручнее обрезать многочисленные "чудеса света" с эксклюзивного дивана. Особенно впечатляют нестареющие пирамиды со сфинксами, барханы, чайханы и ханы, по четвергам — ливерпульская гавань, далекая Амазонка с лондонскими туманами, а с пятницы на субботу — амазонки с неаполитанками и таитянками, что для меня в принципе одно и то же. Черкнул когда-то по этому поводу: "Под сенью струй лежу себе с невестой... Обломов приходил — так нету ж места".

А чего вы хотите? "Я это в телевизоре видал". В "Клубе кинопутешественников", каковой неизменно вел обстоятельный Юрий Сенкевич, сплававшийся на плотках совместно и лично с Туром Хейердалом. И вся наша новая историческая общность, весь советский народ, включая Кохрихта, Голубовского и меня, любимого, сплавался с ними заочно, однако весьма убедительно. И ничего смешного! Плыли же мы "в революцию дальше", в светлое послезавтра на полном серьезе, в туда, где "от каждого — по способностям, каждому — по потребностям". Гребли охотно, энергично, вдали блистали миражи, при этом видели отлично, что по бокам плывут моржи. Голубой вагон бежит, качается, а "Титаник" набирает ход. Почему же палуба качается, если веселится весь народ?

Короче говоря, приплыли. Но дорогой всего насмотрелись. Да так запала в нашу чистую пролетарскую душу всякая черточка ненужного бере-

га турецкого и Африки, что, сморкаясь и плача в кашне, просили мамочку милую вышить нам рушник, а в самом крайнем случае написать нам в Египет, как там Волга наша течет и впадает ли еще в Каспийское море. Над всей Испанией, как известно, чистое небо, очищенное сталинскими соколами, а над Канадой небо почему-то по-русски сине, хотя чуждое оно, враждебное и, прямо скажем, провокационное. Остряки переиначили текст патриотической песни Городницкого, и тогда получилось: "Над Китаем небо сине, меж трибун вожди косые". В оригинале вместо вождей были дожди, которых в СССР стабильно не было, и из-за недолива гибли на корню урожаи и пустовали "Закрома Родины". Насчет Азии и Африки мы знали, что "там пустыни, там барханы, там странаю правят ханы, там живетя тяжелей, там разбойник Бармалей". А еще — "крокодилы, пальмы, баобабы и жена французского посла". Такая вот история с географией.

Сложившаяся картина мира нас вполне устраивала — висела на стене, словно телеэкран. Всегда можно было включить-выключить виртуальную экзотику — подлинно "Весь мир в кармане". Страны НАТО, СЕАТО, СЕНТО, БЕНИЛЮКС и прочие. Всё знаем, всё видели, всё нам на блюдечке с голубой каемочкой, обленились до того, что и визу неохота пробивать — по ОВИРа́м я с детства скитался, не имея родного угла. Далее по тексту.

А Феликсу Кохрихту не лень сличать соцреалистический художественный образ с явью. Помните, как Марк Твен сам себя и своих припечатал — "Наши простакы дома и за границей". Отправился на поиски Бармалея иже Минотавра с помянутым багажом: специфической библиотечкой в голове. Чему все возрасты покорны? Только не удивлению, не радости открытия, для каковых потребно не приобрести патологически, а сохранить в себе много детского. Молодую поросьль надо хоть насильно таскать по городам и весям, странам и континентам, чтоб впитывали — они могут. А нам дайте отлежаться на диванах, не то мы по ходу вояжирования начнем делать наоборот — как вправе поступать от восторга только дети. Опасаюсь я этого, время мое ушло, песочек сыплется. Феликс не страшится. И растут и множатся на его горизонте "миражей нежданных минареты". Сопровождая печаль свою, пристраиваются в хвост и в гриву Сфинкс в пальто, славный Птах, царица Хатшепсут, собачка Цербер, бедняга Минотавр, зануда Пенелопа, праотец наш Моисей, друг Лаокоон, Александр Филиппович Македонский и другие действующие лица и исполнители, включая Сталина и Жукова, Штирлица и Мюллера, Байрона и Пушкина, Дульфана и Хруща, Паниковского и Фандорина, Инезилью и Дон Жуана,

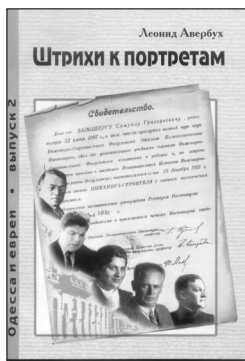
Данте и Фрейда, матроса Железняк и Васю-шмаровоза, Пуччини и Рафаэля, Толкиена и Брежнева, Маковского и Голубовского...

Всякий персонаж извлекается из "Подвала памяти" и демонстративно водружается на пирамиды, мавзолеи, башни Эйфеля, Пизы, Слоновой Кости и Кремля, мосты Святого Людовика и доверия, всякий раз иронически идентифицируя некий трепетный узел сознания, некий его тон — так мягкие молоточки обыгранного пианино безошибочно находят скрытые в недрах струны, и те, как прежде, отзываются доверительно и неизменно. Помните ассоциативный ряд эстрадного скетча: "врач — больной", "холодно — жарко" и т. п.? Мы как раз такие: "Африка?" — "Айболит!"; "Северный полюс?" — "Папанин!"; "Индия?" — "Индира Ганди!" и т. п. Не смешно, говорю я, печально. Невыразимой печалью веет от запоздалой "Одиссеи" жизнепроходца Феликса Кохрихта. Потому, должно быть, печаль эта прячется за камуфляжем ряженого, за спасительной самоиронией.

Спеленатый младенец, затянутый в форму школьник и курсант, стреноженный временем и цензурой литератор и журналист, ограниченный металлическими занавесями "путешественник", конь в пальто. Теперь уже — сфинкс...

Олег ГУБАРЬ

Долгая память

Леонид АВЕРБУХ
Штрихи к портретам
Одесса, "Мигдаль", 2004

Одесса — это голубое небо, Черное море, белая акация, "Красная" гостиница и, конечно же, ракушечник, который поэт Семен Кирсанов, он же Корчик, назвал когда-то "желтым камнем солнечного детства". А еще это — легендарная Потемкинская лестница, скрипучие деревянные галереи старинных домов, классическая колоннада Думы, отдающее романтикой Средневековья здание бывшей Бродской синагоги, знаменитый

Городской театр, многоголосый Староконный базар, строгий в своем величии памятник Неизвестному матросу и могучие платаны Пушкинской улицы... Все это так, но автор книги — одессит в седьмом поколении и, может быть, поэтому совершенно справедливо считает, что Одесса — это,